

СБОРНИК РАССКАЗОВ

СМЕРТЬ ИЛИ НОВАЯ ЖИЗНЬ

Альберт Восканян

16+

Альберт Восканян
Смерть или новая жизнь

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Восканян А. З.

Смерть или новая жизнь / А. З. Восканян — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-04206-3

В сборник «Смерть или новая жизнь» прозаика, члена Союзов писателей и журналистов Арцаха Альберта Восканяна вошли публицистические работы, рассказы, очерки и миниатюры автора. Тематика произведений разнообразная – от злободневных социальных и нравственных вопросов до тонкого лёгкого юмора, поднимающего читателю настроение. По произведениям А. Восканяна можно открыть для себя много нового и интересного, составить представление о простых людях Арцаха с их обычаями, проблемами, радостями и успехами. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-532-04206-3

© Восканян А. З., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Возвращение в школу... 38 лет спустя	5
Вика	7
«Сбежали из Баку, но снова смотрим Баку...»	10
Нет у Бога без вести пропавших, все они стоят в одном строю...	13
Учитель – основа основ	15
«Нет у любви ни конца, ни начала...»	17
Трудное становление семьи беженцев	20
Решили проблему собственными силами	23
Ветер жизни иногда свиреп...	27
Интернациональная семья: в любви и согласии вопреки всему	31
Саша	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Возвращение в школу... 38 лет спустя

*Школа – ты дом, милый дом, мой родной...
Я приду, я вернусь за тобой...*

Решил написать очерк о русской средней школе №3 г. Степанакерта, где в своё время учился, и в один прекрасный январский день я пошёл туда, чтобы собрать материал, сделать пару снимков. Получилось так, что мне посчастливилось посидеть на уроке физики, чему я был очень рад, т.к. исполнилась моя давняя мечта – посетить школу, проникнуться атмосферой юности. И вот настал волнительный, счастливый миг, которого я ждал очень много лет!

Когда вошел в школу, у меня было ощущение, что попал в сказочный мир, до того было всё красиво, хотя я и слышал, что школа отремонтирована, но не предполагал, что до такой степени всё прекрасно.

Попросив мою коллегу по НПОшной работе Анаит Товмасын, педагога по физике, и получив разрешение, я сидел у неё на уроке. Почти все 45 минут у меня было чувство нереальности, не верилось, что мечта сбылась, и я был приятно удивлён, узнав, что нахожусь в 10-Б классе – класс, в котором я учился...

Начал осматриваться: новенькие, не привычные для моего поколения парты, доска какая-то другая, нет влажной тряпки, которую мы, дежурные по классу, постоянно мочили, выжимали и приносили в класс, чтобы вытирать школьную доску. Вместо тряпки были две губки – влажная и сухая. И меня поразил мел, который писал не скрипя, царапая доску...

А ученики... Их открытые лица, весёлые с огоньком глаза, в которых играют чёртики, красивые парни и девушки, не одетые в единую "инкубаторскую" форму. Сразу подумалось: как хорошо, что у нас в Арцахе нет единой школьной формы, смыывающей индивидуальность человека, когда все дети похожи друг на друга.

Впервые в жизни эти школьные 45 минут для меня прошли незаметно. Невольно мои глаза постоянно следили за стрелкой на часах на стене, и так хотелось, чтобы они шли медлен-

ней, так не хотелось услышать звонка на перемену, звонка, оповещавшего, что урок завершён. Наверное, я был единственным в классе, кто не хотел, чтобы звонок зазвенел...

Пишу, и у меня ощущение, что это было во сне – хорошем, добром сне, когда не хочется просыпаться, понимая, что, открыв глаза, пойму, что закончился этот удивительный, прекрасный сон, в котором я могу уже никогда не быть...

Январь 2013г.

Вика

*Много замыслов в сердце человека, но состоится
только определённое Господом.*
(Притч. 19: 21)

Мысли, мысли... Генерал становится генералом благодаря личному составу – солдатам и офицерам. Любое государство держится исключительно на своём народе, который является его основой, фундаментом. Каждый человек для меня индивидуален, и чем он проще, тем он ценен для меня. У каждого человека свой путь, начертанный свыше, и он не знает, что ждёт его впереди, какая у него будет жизнь, что ожидает его детей, как сложится их судьба, и много чего человек не знает, начиная жить, строя себе планы на будущее. Однако человек предполагает, а Бог располагает...

Мысли, мысли...

По дороге в село Чапар Мартакертского района я позвонил Вике Саркисян, моему френду по фейсбуку, которая работает секретарём в сельской администрации. Она в своё время окончила факультет туризма в Европейской региональной академии в Ереване.

Вика встретила меня в центре села. В её кабинете вместе с другими сотрудницами мы выпили кофе, и я попросил, чтобы она начала знакомить меня с селом. Дорога Степанакерт - Чапар – Степанакерт занимает почти четыре часа езды, поэтому я решил время не терять. Зашли мы в детсад – красивое современное здание, детишки играли в группах, повара готовили обед. Поговорил с заведующей Лусине Гаспарян и узнал, что это детское заведение функционирует с 2007 года, и в детсаду 23 детей. В среднем в год поступают по 3–4 ребёнка, но в этом году всем на радость – 12 детей.

Недалеко строится школа, идут отделочные работы. Вика показала мне классы. В это время подошла директор школы Ирина Севумян. Я поговорил с ней и в разговоре узнал, что строительство школы завершится в текущем году, и 1 сентября будет её открытие. В школе учатся 52 ученика. Сначала было мало детей, но с каждым годом число детей, поступающих в школу, увеличивается.

Были и другие здания: «красивый» мемориальный комплекс, где почему-то не было ни имён, ни фотографий 27 парней-чапарцев, погибших в Карабахской войне, и 60 сельчан – в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Такое я видел впервые, а прошёл я немало «вёрст» как в Арцахе, так и вне нашего края...

Начал делать фотографии улиц села, домов. Были дома, разрушенные во время войны, были отстроенные, был чей-то прекрасный дом, одним словом, контрасты. Всё это я фотографировал, смотрел, запоминал, чтобы потом переложить на «бумагу», но... в душе чувствую, что мне чего-то не хватает, и от этого мне было дискомфортно...

Было время обеда, и Вика пригласила меня к себе домой, сказав, что её родители слышали от неё обо мне и ждут нас. Отказываться было бы невежливо с моей стороны, и через десять минут я сидел на диване и разговаривал с д.Рачиком, 82-летним отцом Вики, невысоким мужчиной с острым, колючим взглядом. Катя, мама Вики, накрывала на стол, самой Вики вначале не было видно, но её голос был слышен во дворе. На минуту выйдя на балкон, я увидел интересную картину: куры и цыплята кружились вокруг Вики, которая горстями кидала им зерно. Недалеко, ожидая своей очереди приёма пищи, полулежала крупная собака, а на её спине уютно расположилась... кошка. Потом Вика мне объяснила, что Полкан и Киска дружат и ни разу не «поругались» за время совместного их проживания.

Пока Вика кормила живность, я вернулся в дом, и мы продолжили разговор с отцом Вики. Я слушал д.Рачика, и перед глазами, как кадры фильма, пронеслось всё то, что мне он говорил: молодой парнишка Рачик, житель Чапара, пошёл учиться в Степанакертский сельхозтехникум на ветврача.

Потом служба в Советской армии, после – учёба в Ереванском зооветинституте. После окончания института – работа в Кафане (Армения), женитьба на красавице Кате, рождение двух дочерей и переезд в Саратовскую область РСФСР, где он окончил Тимирязевскую академию. Там же родилась третья дочь. Потом было возвращение в Армению, где в 1979 году родился сын Вахтанг, на радость отцу и всему роду Саркисянов – родился мальчик, продолжатель рода...

Но жизнь вносит свои коррективы: началось Карабахское движение, обстановка в с. Чапар накалилась до предела – обстрелы со стороны азербайджанского села (местности) Агдабан, появились первые погибшие среди мирного населения. Образовался сельский отряд самообороны. Рачик не выдерживает и возвращается в родное село. Вахтанга не смогли удержать, он едет с отцом в Карабах. Оружие ему никто не доверял, старшие постоянно его прогоняли домой, но он нёс им пищу, воду, постоянно находился с ними в окопах, не раз попадал под обстрелы. И 23 сентября 1991 года в возрасте 12 лет он погибает... В окопе, кроме Вахтанга, были двое его двоюродных братьев, и во время обстрела все они получили ранения. Подоспевший Рачик обнял раненого сына, и второе, смертельное ранение, Вахтанг получил уже на руках своего отца...

В 1992 году рождается Вика, а в 1994 году Катя с детьми переехала в Чапар. Все три старшие сёстры Вики сейчас живут в Ереване, а она с родителями здесь, в селе.

Слушаю д.Рачика, в глазах защипало, в горле появился ком, сам от себя не ожидал, что может быть такое со мной...

Красивый мальчик Вахтанг с фотографии смотрит на меня. Я не удержался: «Д.Рачик, да как же Вы разрешили мальчику?..» Он тихим голосом отвечает: «Его никто не смог удержать, он был не по годам крупным мальчиком, был непоседой, знал, что, если азербайджанцы войдут в село, первый дом, который будет на их пути – это наш дом... его никто не мог удержать...»

Сажу на диване у Вики дома, пью чай, и вдруг меня осенило: да ведь Вика незапланированный ребёнок в этой семье, если бы не случилась беда с Вахтангом, её не было бы...

Вижу, как Катя и д.Рачик обращались с ней – она для них и сын и дочь, она для них «кукла-игрушка», она их отдушина, она их помощь, и Вика это понимает. Мы тепло попрощались, я поблагодарил хозяев за гостеприимство. По дороге Вика вдруг мне говорит: «Не жалею, что приехала в село из Еревана, я родителей никогда не брошу...»

Смотрю я на симпатичную, невысокую, смуглую девушку и понимаю, что Вика, её родители, их история – это то, что мне надо было увидеть, услышать и понять, что из себя представляет село Чапар и её жители, которые живут в простых деревенских домах, живут небогато, живут так, как могут, но живут чисто и по жизни идут правильной дорогой, и дай им Бог...

Р. С. д.Рачик и Катя не работают, получают пенсию, занимаются хозяйством. В селе Чапар 74 дома, жителей около 300 человек.

В конце 50-х – начале 60-х годов прошлого столетия люди, жившие в старом селе Чапар, спустились в новое село, которое было более удобным для проживания. В том старом селе, в начале прошлого века, жил и мой дед с семьёй, когда вынужденно переехал из с. Мещен Шушинского района, спасаясь от резни...

Ходил я по улицам этого села и... Всё, решил поставить точку над этим морально трудным для меня очерком.

Июль 2014 г.

«Сбежали из Баку, но снова смотрим Баку...»

Давно я не ездил в сторону села Сарнахпюр Аскеранского района и поэтому обрадовался, узнав от моего друга о возможности такой поездки... Проехав Аскеран, мы попали в плотный туман. Стало ясно: если так будет продолжаться, я не смогу фотографировать ни село, ни его окрестности. Как только туман немного рассеялся, я быстренько сделал несколько снимков.

Глава общины, Эдуард Габриелян, мужчина в возрасте, голубоглазый, сухощавый, с заскоруз-лыми, мозолистыми руками, встретил нас у себя в кабинете. Мы разговорились, и я узнал очень много интересного о селе: как живут люди, какие у них проблемы и т.д. Однако обо всём по порядку.

Во время Союза в Сарнахпюре (он тогда назывался Агбулаг) проживало около 180 человек и было 58 домов. Теперь в селе 105 жителей и 28 домов.

Сельчане в основном занимаются земледелием и животноводством. Сам Эдуард (Эдик), уроженец этого села, с 1992-го года является главой общины. А до 1988-го года Эдик проживал в Баку.

«Когда мы переехали из Баку в Сарнахпюр, председателем колхоза был Славик Мирзоян. Он предложил мне поработать механиком. Тогда у нас было много машин, комбайнов, тракторов и всё, что нужно для колхоза...»

10 мая 1992-го года азербайджанцы напали на нас, мы оставили наше село и поднялись в соседнее село Даграз. Однако через месяц они и это село взяли. Во время нападения на Сарнахпюр Славик Мирзоян пропал без вести, о нём мы до сих пор ничего не знаем. В этой войне у нас погибло 12 человек – четверо из них были уроженцами нашего села. Еще четверо пропали без вести. В Великую Отечественную войну не вернулось 56 сельчан.

«Два раза я был ранен, во второй раз тяжело. Отвезли в Ереван, долго лечили... Но я выжил. Сын тоже был ранен, он инвалид 2-ой группы», – дымя сигаретой, рассказывает мне Эдик.

В разговоре с ним я понял, что передо мной сидит неисправимый оптимист, для которого, несмотря ни на что, стакан всегда наполовину полный. Хотя есть трудности: нет мага-

зина, до недавнего времени была проблема с питьевой водой (родник часто пересыхал), село находится вдали от столицы и райцентра, дороги не ахти какие...

Закуривая очередную сигарету, Эдик говорит: *«Хотелось бы, чтобы к семьям погибших и инвалидам отношение было лучше. Завтра, если начнётся война, несмотря на возраст, мы должны защитить наши семьи, нашу землю».*

После долгой паузы он продолжает: *«Фактически в селе нет нуждающихся людей: у каждого есть земля, скот. Сажай, выращивай, держи скот, потом продавай, живи на здоровье. Только надо работать – не сидеть сложа руки и жаловаться на жизнь».*

Тут Эдик сказал такое, что хоть стой, хоть падай... Оказывается, уже 25 лет как сарнахпюрцы не имеют возможности смотреть карабахское телевидение, не знают, что в Карабахе творится. Все новости, касающиеся Карабаха, они узнают через ереванские программы. Есть «тарелки», сельчане смотрят программы со всего мира, кроме своей страны. *«Сбежали из Баку, но снова смотрим Баку. Смотрим концерты, а когда начинаются новости – выключаем...»* – говорит с улыбкой Эдик. Потом, когда мы были дома у Эдика, я убедился в этом: бакинские каналы доступны без помех, по радио льётся азербайджанская музыка, хотя со стороны Азербайджана глушат теле и радиоканалы, чтобы армяне не видели и не слышали их...

Администрация села и школа находятся в одном здании. Мы зашли в учительскую, где находились директор и одна учительница. Директор школы Шогер Григорян имеет 15-летний стаж преподавательской работы и три года является директором школы. Сама школа-четырёхлетка небольшая: одиннадцать учеников, пять преподавателей. После её окончания дети продолжают учёбу в соседнем селе Нахичеваник. В настоящее время восемь детей из Сарнахпюра учатся там. Президент Карабаха подарил селу машину, которая каждый день отвозит учеников из Сарнахпюра в Нахичеваникскую среднюю школу и привозит обратно домой. В этом году в первый класс поступил один ученик, в прошлом году первоклассников было четверо, в следующем – снова будет четверо учеников... Я сделал несколько снимков в школе и небольшой клип урока...

Судьба у Эдика похожа на судьбы десятков тысяч армян, в своё время переехавших из Карабаха в Баку, Сумгаит и другие города Азербайджана: работа, женитьба, дети... Потом, после 1988-го года, – вынужденный переезд. Кто уехал в страны ближнего и дальнего зарубежья, кто вернулся на историческую родину – в Нагорный Карабах.

Пришло время обеда, и Эдик настоял, чтобы мы зашли к нему домой...

В 1966-ом году Эдик женился в Баку на красавице Розалии, у них родились мальчик и девочка. Супруга работала в дамской парикмахерской, сам Эдик – в первом автобусном парке «Интурист», где обслуживали только иностранных туристов. Дочь пошла по стопам матери, а сын поступил в Бакинское Высшее военно-морское училище. Жизнь была безбедная, жили в достатке.

Супруга Эдика накрывала на стол, одновременно слушая своего мужа. Эдик рассказал, как после событий в Сумгаите к ним начали поступать телефонные звонки с угрозами и настойчивыми предложениями уехать.

«Мы не выдержали и выехали из Баку в течение одного дня, 14 декабря 1988-го года. Ни вещей мы не смогли взять с собой, ни квартиру обменять. Незадолго до отъезда мы сделали прекрасный ремонт... Мой товарищ-азербайджанец помог нам выехать из Баку. Я считаю, что он спас мою семью. Ключ от квартиры отдали русской соседке, живущей этажом выше, и уехали. Не жалею, что вещи, имущество оставили, главное, что мы живы-здоровы. Единственное, что осталось от бакинской жизни – это “Волга ГАЗ-24”, которую друзья переправили в Туркмению», – говорит Эдик, вспоминая прежнюю жизнь в Баку. Закурив очередную сигарету, он переходит к настоящему: *«Жаль, что каждый день погибают молодые парни на фронте... У нас есть много проблем, многое ещё надо сделать, но я думаю, в Карабахе у нас всё будет хорошо, мы будем жить здесь, только должны трудиться, много работать...»*

Хозяйка пригласила нас к столу, угостила разными сладостями, фруктами, а потом подала горячее блюдо.

Розалия Самсоновна – коренная бакиннка, родилась и всю жизнь прожила в этом городе. Её соседом был будущий известный шансонье Борис Давидян (Бока). Много лет Бока был неравнодушен к Розе, ухаживал за ней, каждый вечер стоял у подъезда, дожидаясь её... Тогда Боку практически мало кто знал. Он пел в клубе, на 12-ой Нагорной. Но старший брат Розы, с которым дружил Бока, помешал развитию дальнейших отношений... А потом на свет появилась песня «Роза», которую написал Бока... Я спросил Розалию Самсоновну, не ей ли посвящена эта песня? Мой вопрос вызвал лёгкий румянец на её щёках – она не стала подтверждать мою «версию», но и не опровергла её. Уже потом я узнал, что Бока действительно посвятил песню «Роза» красавице-соседке, в которую был влюблён без памяти... Глядя на симпатичную, стройную Розалию Самсоновну, я понимал, почему Бока «дежурил» у её подъезда, ухаживал, а потом посвятил прекрасную песню своей безответной любви...

В разговоре со мной и глава сельской общины, и директор школы несколько раз упомянули имя благотворителя и мецената Саркисяна Сергея Темуровича, уроженца этого села, проживающего в Москве. Очень много он делает для школы, которую окончили он и его покойная супруга Жасмен. Он отремонтировал школу, каждый год для всех детей покупает сумки, школьные принадлежности и одежду. Всем школьникам на 1 сентября выдаёт по 40 тысяч драмов и больше. На средства г-на Саркисяна в Сарнахпюре пробурили артезианскую скважину, решив проблему с водой.

Я погуглил и прочитал много интересного об этом человеке. Оказывается, г-н Саркисян относился к категории людей, о которых в советское время не писалось и мало говорилось. Их имена, как правило, были засекречены. Вот коротко о Сергее Темуровиче Саркисяне: заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор философских наук, действительный член РАЕН, действительный член МААНОИ, профессор, разработчик метода научного исследования при анализе причинно-следственных связей для решения прикладных задач экологии. Трудовая и научная деятельность Сергея Саркисяна преимущественно связана с электротехнической и электронной промышленностью СССР, а затем и РФ. Генерал-лейтенант.

Октябрь 2015 г.

Нет у Бога без вести пропавших, все они стоят в одном строю...

*Даже самой немислимой дали
Отдалённее в мире есть даль.*
Василий Казанцев
(«Без вести пропавшим»)

30 августа будет отмечаться Международный день без вести пропавших. По всему миру идут многочисленные конфликты, сопровождающиеся кровопролитными войнами, во время которых погибают люди, разрушаются города, дети остаются сиротами. Сотни тысяч людей во время войн пропадают без вести, и это самое страшное, что может случиться с человеком. Семье говорят, пишут, объявляют, что их родной пропал без вести. Не дай Бог никому такой участи. Неопределённость – самое жуткое состояние для родных...

Аня родилась в Степанакерте и по окончании средней школы поступила в музучилище, а после окончания этого музыкального заведения – в Степанакертский пединститут. Всё шло так, как и должно идти у молодой девушки: в 1988 году встретила Романа, полюбили друг друга, сыграли свадьбу. Муж работал строителем, Аня педагогом, жили себе, не тужили. В 1989 году родился сын Мгер, в 1991 году – дочь Гоар. А потом началась война...

Роман, как и всё мужское население Карабаха, воевал. Беда пришла 3 августа 1992 года, когда ей сообщили, что её супруг Роман пропал без вести недалеко от села Магавуз Мартакертского района.

Время для Ани остановилось...

Хорошо, что мать была рядом, помогала дочери как морально, так и материально. Хотя надо отметить, что Аня получала детские пособия, получает до сих пор пенсию. В своё время

ей оказала помощь известная армянская благотворительная организация. Но всё это, естественно, не заменит её супруга...

Сидим с Аней в офисе, разговариваем, внучка, кудряшка Бетти, непоседа, что-то рисует, что-то рвёт, играетя...

Вспоминаю годы войны, когда Аня приходила ко мне вместе с матерью, чтобы узнать, нет ли известий о Романе. Все тогда приходили в Госкомиссию Карабаха по вопросам военнопленных и поиску без вести пропавших, и кому возможно было – помогли, кому не смогли – на всё воля Божья. Мы не Боги, не можем знать судьбу каждого пропавшего без вести, хотя старались, искали, находили живого или мёртвого, проводили обмен...

Когда Рома пропал без вести, дети были очень маленькие и отца, естественно, не помнили. «Когда дети были маленькими, баловались, я им говорила, вот сейчас придёт папа и сделает вам замечание, и они сразу становились послушными.

Повзрослев, дети постоянно говорили об отце, они верят, что он придёт домой, он вернётся... Верю и я, что в один прекрасный день Рома постучится в дверь, хотя прошло очень много лет...» – говорит Аня, потупив глаза.

Во время апрельской войны 2016 года Мгер служил в Армии обороны (АО) Арцаха контрактником. Аня боялась за сына, и что ей пришлось пережить, один Бог знает. Она боялась, что беда может ещё раз прийти в её в дом. И поэтому, когда сын решил работать по своей гражданской специальности (экономист) и уволился из АО, она обрадовалась...

Хотя семья Ани живёт в трёхкомнатной квартире – она, сын, дочь, зять и двое внуков – она не жалуется. «Главное, что мы всё вместе», – с улыбкой говорит она.

С первых дней, как миссия Международного Комитета Красного Креста (МККК) начала работать в нашем регионе, она занималась поиском без вести пропавших параллельно с Госкомиссиями по вопросам военнопленных конфликтующих сторон. Естественно, есть у них своя база данных. Судя по данным МККК, в Карабахской войне 4496 человек пропали без вести.

Ситуация на 15 декабря 2015 года: в Ереванском представительстве МККК зарегистрировано 405 пропавших без вести, в миссии в Нагорном Карабахе – 372, а в Азербайджане – 3719 человек. Естественно, эти цифры не отражают всю картину, т.к. это список тех без вести пропавших, с родными которых МККК находится в контакте.

С прошлого года в Нагорном Карабахе МККК начал сбор образцов ДНК у родственников без вести пропавших. Считаю, что это крайне необходимая работа на этом этапе. Ведь до сих пор в тех местах, где шли кровопролитные бои, находятся места захоронений, и непонятно, кому принадлежат находящиеся там останки. Вот в таких случаях работа, проводимая МККК, имеет большую значимость...

Август 2016 г.

Учитель – основа основ

*Достучаться до каждого сердца
Тех, кого ты решился учить,
И откроется тайная дверца
К душам тех, кого смог полюбить!*
Марк Львовский
(«Достучаться до каждого сердца»)

И снова наступил прекрасный праздник – день учителя. Каждый год в более 100 странах отмечается этот день, и практически каждый год я считаю своим долгом написать об этих удивительных людях, чей труд всегда был и остается одним из самых уважаемых и благородных.

К сожалению, не все вспоминают или не хотят вспоминать школу – заведение, где научились писать, читать, считать. Разве можно забыть свою первую учительницу, первые буквы, написанные, сказанные по слогам, свою первую школьную любовь...

Благодаря школе мы смогли определиться, какую специальность, профессию мы приобретём и кем мы будем по жизни. И всё это заслуга наших учителей, которые смогли нам привить любовь к определённым предметам, в зависимости от наших наклонностей. А без этого никто из нас не смог бы стать тем, кем он стал сейчас...

Не секрет, что зарплата учителя невысокая и что им приходится воспитывать не только своих чад в семье, но и чужих в школе. Не беру слово чужих в кавычки, потому что для настоящего учителя чужих детей не бывает. И не каждый педагог выдерживает всю эту нагрузку. А те, кто остаётся работать в школе до пенсии – это Учителя от Бога, и уважение им за это.

Хочу поздравить всех учителей с их профессиональным праздником, вне зависимости от национальности и места проживания, пожелать им крепкого здоровья, счастья, долгих лет жизни! Спасибо вам за этот нелегкий каждодневный труд, мудрость, равнодушие и доброту ваших сердец!

Также хочу вспомнить всех педагогов, которых нет в живых, преклонить пред ними колени и сказать им человеческое спасибо за то, что они вложили в нас частичку своей души...

Октябрь 2016 г.

«Нет у любви ни конца, ни начала...»

*Осень!
Я очарована тобою...
Мягко ступая по листьям
Я люблю бродить одна...*

Цовинар Багдасарян («Осень»)

В жаркий августовский день она вошла в наш офис, и сразу же повеяло живительной осенней прохладой...

За чашкой кофе разговорились, вспомнили общих знакомых, друзей, поговорили о поэзии, литературе. Через два часа, когда уходила, она подарила мне два сборника своих стихов.

Цовинар Багдасарян в Степанакерте знают многие. Немало ребяташек прошли через «её руки» в школе №8, где она работала учителем, в детском саду, которым заведовала.

Красивая, умная, рядом любящий муж, трое детей. Она вызывала добрую зависть у горожан. Часто летом с мужем Борисом и детьми, сидя в парке за столиком или прогуливаясь по городу, эта семья обращала на себя внимание, и их сопровождали взгляды, взгляды, взгляды. Как теперь некоторые говорят: «Сглазили люди Цовинар, вот пришлось ей столько пережить, что и врагу не пожелаешь...»

*Бог создал Землю и людей,
А люди придумали зло...
И оно живёт на земле...
Живёт и шагает по ней...
Пора подумать о себе...*

И о нашей с вами Земле!

(строки из стихотворения Цовинар Багдасарян).

Я знал всё это, знал, что пришлось пережить этой женщине. Потерять троих самых любимых людей, которые трагически погибли, не под силу мужчине. «А как же она выдержала это, как эта женщина живёт с такой болью в душе и пишет о любви, красоте, доброте и человечности?..» – думал я, смотря в глаза Цовинар, и не мог найти ответа.

Цовинар Минасовна пишет с 1988 года, но такое ощущение, что после пережитого её как будто прорвало, она начала много писать, печататься. Сегодня она член Союзов писателей Арцаха, Армении, России и Москвы.

В одно время Цовинар Минасовна работала в Москве, в общественной организации «Международная академия духовного единства народов мира». И, приехав в Степанакерт, открывает почти аналогичное НПО под названием «Женщины Арцаха». Идея та же – объединение духовно богатых, близких по уму, интеллекту людей. Дружат с «Женщинами Арцаха» многие известные представительницы прекрасного пола из Армении, Австралии, России, Израиля и других стран.

Многие женщины Арцаха входят в этот Союз, люди тянутся к Цовинар, они часто собираются вместе, проводят различные мероприятия, делятся наболевшим. Цовинар Минасовна не госчиновник, у неё в руках нет каких-либо рычагов, но она старается помочь всем, кто к ней обращается.

Много женщин в Карабахе пострадали от войны: у кого погиб супруг, сын, брат, кто-то потерял близких, кто-то сам пострадал во время артобстрелов, авианалётов, и все они нуждаются в помощи, тепле, у каждой свои проблемы, своя боль. Прожитая жизнь вносит свои коррективы в жизнь человека, женщин – особенно, и некоторые из них становятся крепче стали, теряя в то же время душевную теплоту...

*Чтоб женщиной тебя назвали,
Родиться ею ты должна...
Есть женщины сильнее стали,
Но без душевного тепла...
И не природа виновата,
а жизнь суровая, судьба,
Никто не даст совета,
за всё в ответе ты одна...
И, как ни кружат вихри жизни,
Ты вспомни хоть иногда,
Как неразлучны, рядом были –
С тобой любовь и доброта...*

(строки из стихотворения Цовинар Багдасарян).

С августа у меня было желание написать очерк про Женщину-осень, как я про себя назвал Цовинар Багдасарян. И вот сегодня на одном дыхании написал о ней, её судьбе...

Думаю, многим женщинам, у которых всё в жизни хорошо и стабильно, но они не понимают ценности того, что имеют, надо брать пример с Цовинар Минасовны, которая не ноет, не жалуется на жизнь при людях, идёт по жизни с поднятой головой. А все её мысли и чувства можно прочитать в строках её стихотворений, идущих из глубины прекрасной её души...

Октябрь 2016 г.

Трудное становление семьи беженцев

К дому Абрика и Аиды Агасянов в Мартуни мы подъехали в первой половине дня, предварительно созвонившись с ними днём раньше.

Место, где находится дом Агасянов, называется «Русин тах», дословно переводится как «Местечко русских».

Небольшой одноэтажный дом, где проживают Агасяны, ничем не отличался от других, и мы по номеру сразу же нашли его.

Хозяева встретили нас радушно. Аида, невысокая женщина, улыбаясь, пригласила нас в дом, где находились сын Григорий и невестка Рита. В это время с улицы пришёл хозяин Абрик, невысокий седой мужчина лет семидесяти. Мы познакомились. Я представился, рассказал о цели моего визита. Чувствую, Абрик немного напрягся. Ну, думаю, не буду торопить события, наверное, чуть позже отойдёт. В итоге так и случилось, я оказался прав...

Беженцы, вынужденные переселенцы – эта категория людей появляется во время всех конфликтов и, к сожалению, от этого никуда не деться. Живёт себе человек, строит дом, обзаводится семьёй, рождаются дети – казалось, живи себе на здоровье. Но в какой-то момент всё рушится, и человек вынужденно покидает своё насиженное место, меняет местожительство. А на новом месте ему надо привыкать, интегрироваться в новом для него обществе. Всё это касается и детей. Если человек взрослый, то проблем у него больше, чем у молодых, которые гибче, коммуникабельней, и им легче приспособиться к новым для них условиям. Но вернёмся к семье Агасянов...

Аида, уроженка села Мушкапат Мартунинского района, в свои неполные 18 лет вышла замуж за своего земляка Абрика, уроженца села Агорти, в то время уже проживавшего в Баку. Молодые получили квартиру и жили в посёлке Ахмедлы. Муж работал на Бакинском заводе холодильников, она была домохозяйкой. Родились сыновья Григорий и Владимир. Всё шло хорошо. Дети подросли, учились в школе, Аида устроилась на работу паспортисткой в Нарима-

новском районе. Григорий начал заниматься вольной борьбой, выезжать на различные соревнования, завоёвывать призовые места. Проходили годы, жизнь шла размеренно, всё было налажено.

А потом был «Сумгаит». Трагические события, произошедшие в этом городе, перевернули жизнь армян, и многие из них задумались о выезде из Баку. Агасяны не были исключением. Три дня они, как и другие армяне, находились в аэропорту под охраной, в тяжёлых условиях. В конце концов их сосед, милиционер Кямал, помог приобрести билеты, и Агасяны в ноябре 1988-го года вылетели на самолёте в Ереван. До сих пор они вспоминают этого человека добрым словом... К тому времени Григорий, окончив школу, учился в училище на портного. Владимир был ещё школьником... До приезда в Мартуни к Агасянам я уже знал, что Аида 6 лет ухаживала за слепым дедушкой, который в августе сего года умер...

Мы с Аидой разговорились. Невестка Рита начала накрывать десертный стол. Беседуя, я огляделся по сторонам: чисто, уютно, хороший ремонт. Впоследствии я узнал, что ремонт дома был сделан Григорием. Я попросил Аиду рассказать об их жизни в Баку, в Мартуни, когда они переехали сюда, о лихих военных годах, о жизни после войны...

«Жили мы в Баку неплохо. Соседи были разных национальностей: армяне, азербайджанцы, русские, лезгины, татары и др. И ни разу не было, чтобы кто-то конфликтовал между собой. Как правило, все соседи были из рабочей среды. А что нужно рабочему человеку – заработать кусок хлеба, чтобы прокормить семью. Но после Сумгаита не скажу, что отношения кардинально изменились – они стали чуть напряжённее. На первом этаже у нас жил наш участковый, и, когда в Баку стало тревожно, он не раз говорил нам, чтобы мы не уезжали, мол, всё нормализуется. На наш дом никто не нападал, фактически нам никто не угрожал, но у нас в душе всё перевернулось, и мы решили выехать. Куда ехать, такой вопрос перед нами не стоял. Естественно, в Нагорный Карабах, в Мартуни, откуда мы с мужем родом. Забегая вперёд, скажу, что после обмена в 1989-м году мы поехали снова в Баку, решили все юридические вопросы для обмена жильем, смогли вывезти вещи, машину «Москвич-2140». Когда загружали вещи, никто из соседей нам не помогал, но надо сказать правду: никто и не мешал тоже. Кое-кто подходил и говорил, может, мы передумаем и останемся...»

Наш бакинский дом мы поменяли на этот, где сейчас живём. Хозяином этого дома был азербайджанец по имени Князь. Мы оформили все необходимые документы и официально сделали обмен. Все наши вещи мы смогли привезти в Мартуни, то же самое сделал и Князь, до последней иголки вывез свои вещи в Баку.

Во время войны мы сильно пострадали: Мартуни и сёла района обстреливали с земли и воздуха. Однажды самолёт сбросил бомбу рядом с нашим огородом. В это время я топил печь. Взрывной волной снесло балкон, выбило все стёкла, дверь обрушилась на Абрика, который в это время находился дома. После этого взрыва долгое время я не могла прийти в себя...

Фактически все трое из нашей семьи во время войны были на фронте, но, слава Богу, все они живы-здоровы, не были ранены. Наши остались живы на войне, но сколько людей погибло, горе пришло во многие карабахские семьи – это настоящая трагедия...»

В это время Рита принесла чай, конфеты, на столе уже были фрукты с их сада. Сели пить вкусный чай. Вели непринуждённую беседу, говорили о сегодняшнем дне. Я узнал, что Аида на пенсии, получает 40 тысяч драмов, а Абрик – 55 тысяч. Во дворе держат кур, у хозяина около 20 барашков. Не шикуют, но и не бедствуют, как говорится. Когда разговор снова перешёл на их бакинскую жизнь, Абрик сказал, что очень долгое время его директором был Аяз Муталибов. Я удивился. Он объяснил, что это потом Муталибова перевели на партийную работу, где он начал продвигаться по карьерной лестнице...

В это время пришла соседка Люда, тоже беженка, и попросила Аиду измерить её давление...

Сын Григорий, молодой мужчина спортивного телосложения, сидел на диване и не вмешивался в наш разговор. После чаепития я завёл с ним разговор и узнал много интересного. В 1989-м году Григория призвали в ряды Советской армии, где он прослужил два года. После демобилизации он приехал в Мартуни, где уже жили его родители и брат. Обстановка в Карабахе была напряжённой, все мужчины были на постах (исключением не был и Абрик), защищая свои дома. На следующий день Гриша записался в отряд самообороны района. Форму он снял лишь в 1997-м году. В тот период служили и младший брат Владимир, и отец Абрик.

В Баку Гриша занимался вольной борьбой в спортивном обществе «Спартак» у Аркадия Галстяна. Постоянно выезжал на соревнования в республики Союза, занимал призовые места и получил спортивное звание «кандидат в мастера спорта». После войны несколько лет тренировал в Мартуни детей, вёл секцию по вольной борьбе.

Потом выехал с семьёй на постоянное место жительства в Россию, но года через три снова вернулся в Мартуни. У самого Григория четверо детей, у брата Владимира трое.

Мне было интересно узнать у Григория о его жизни в Баку, друзьях, одноклассниках, отношении к конфликту.

«Трудно однозначно ответить на вопрос об отношении к конфликту...Моё мнение таково: этот конфликт рано или поздно должен был быть, какие-то предпосылки к нему тогда уже были, а трагедия в Сумгаите дала толчок. Переехали в Карабах – это правильно, здесь наша родина, но появились проблемы. Местные жители знают друг друга, кто чей внук, кто из какого рода. Мы же для местных являемся беженцами. Но это неправильно, так как все мы карабахцы, все мы армяне. Во время войны много погибло наших ребят, это очень тяжело...» – Григорий сделал большую паузу. Затем продолжил:

«Мне пришлось воевать, и я никогда не думал, что мой сын может увидеть то же самое, что я пережил. Артура, моего сына, призвали на действительную военную службу в июле 2015-го года. 1 апреля 2016-го года, когда началась четырёхдневная апрельская война, он с друзьями был на посту в селе Талиш, и во время наступления их пост отбил атаки неприятеля. За это он и его друзья были представлены к боевым наградам, а ему ещё присвоили офицерское звание «лейтенант». Второй мой сын Абрик в настоящее время тоже служит в Армии обороны. Третий сын Арсен учится на четвёртом курсе Олимпийского резерва в Армении. Вначале он был вольником, потом перешёл на классическую, греко-римскую, борьбу, и, как утверждают его тренеры, парень перспективный...»

«Что можно сказать про жизнь в Баку, друзей... Я учился на портного, одновременно успел поработать на Бакинской швейной фабрике им. Володарского. Работа была сдельная, зарабатывал я неплохо. После переезда, когда я снова поехал в Баку за дипломом, оказалось, что мой товарищ Джалалов Джалал получал мою стипендию, и когда я приехал, дал мне мои деньги. В училище выдали мне и диплом. Перед отъездом посидели с ребятами, потом они меня проводили...»

Из школы пришла дочка Григория и Риты, Милена, ученица третьего класса. Родители сказали, что она ходит в музыкальную школу на вокал. Я попросил малышку спеть песню. Естественно, Рита передела девочку в нарядное платье, и малышка без стеснения спела песенку на русском языке...

Когда мы уходили, Агасяны вышли во двор проводить нас. Попрошались мы тепло. Я обратил внимание на то, что брови у Абрика уже не насуплены, и он с улыбкой пожимает на прощание протянутую мной руку...

Октябрь 2017 г.

Решили проблему собственными силами

1

Как-то мой близкий друг попросил меня помочь устроить его племянницу в детский садик. Тогда впервые я столкнулся с этой проблемой и понял, что задача эта не из лёгких. В Степанакерте есть детсады, но, чтобы устроить туда ребёнка, нужно загодя подумать об этом. С каждым годом детишек становится у нас больше, нам на радость, и малышам нужен детский садик для их развития. Также они нужны для того, чтобы у их родителей было свободное время заняться своими делами...

С Леной Торн-Кезая по инету общаюсь несколько месяцев.

С её мужем Полом, ирландцем, знаком лично: он не раз приходил в наш офис. И всегда я удивлялся его хорошему армянскому. Узнал их историю: оба они работали волонтерами в одной ереванской общественной организации, где он влюбился в красавицу Лену. Они поженились, родились дети.

Я знал, что у Лены есть небольшая детская группа в Степанакерте. Мне захотелось увидеть своими глазами, что это за группа, и я попросил у неё разрешения посетить этот «детский садик». Лена дала «добро», и мы встретились.

В назначенное время я пришёл к частному дому, находящемуся на окраине Степанакерта, где Лена арендует помещение для детской группы. Осмотрелся. Вокруг красивая природа, горы. При желании минут через 10 можно оказаться в лесу. Лена пришла со своим сыном, мальшом Даниелом.

Мы вошли в комнату и стали ждать прихода детей. Я оглянулся, на стенах были развешаны рисунки, весёлые картинки, на полках стояли детские игрушки...

В нашем распоряжении было минут двадцать, и я попросил её рассказать о себе, детской группе. Мне было всё интересно.

«Родом я из Баку, жили мы в поселке Монтино. Хотя я была маленькой, но прекрасно запомнила наш детский сад. Однажды нас взяли на прогулку, и я всем детям с гордостью показывала наш дом на пятом этаже. А когда в садике во время какого-то праздника шёл спектакль «Маши и медведь», я играла роль Маши.

После замужества с мужем поехали в Арцах, где прожили четыре года, а потом снова вернулись в Армению.

В Степанакерт мы переехали в 2013 году и сразу же решили отдать ребёнка в детский садик. Также в наших планах было присмотреться, чем мы можем быть полезны в Карабахе. Мы обошли все детские садики, но практически не было места, тем более что мы были иногородними и у нас не было прописки.

Это подтолкнуло меня, чтобы я сама начала заниматься своим ребёнком, потому что не хотела, чтобы ребёнок отставал от своих сверстников. Оказалось, что такая проблема не только у меня, так как детские садики были переполнены, и появились ещё два-три ребёнка, родители которых хотели, чтобы я занималась ими. А после этого начали узнавать друг от друга о нашей маленькой группе, и родители стали приводить своих малышей. Уже пятый год, как действует наш, как здесь говорят, детский садик. Но это не детсад, это группа детей, с кем мы занимаемся. Их у нас не более десяти, и возраст малышей колеблется от 2,5 до 5 лет. С каждым ребёнком мы работаем индивидуально, знаем его характер, семью. С детьми мы общаемся на армянском языке, чтобы, когда они пошли в первый класс, педагогам было легче работать с ними. Однако наряду с армянским у нас проводятся занятия на русском и английском языках, которые проводят наши волонтеры», – рассказала мне Лена.

В это время вошла молодая женщина с малышом. Лена нас познакомила. Оказалось, это воспитательница Арев Апрезова. Начали приходить родители с детьми.

За окном был туман, барабанил дождь. Лена сказала, что в такую погоду не все родители приводят детей. На деле так и оказалось. Троих малышей не привели...

Пока родители разували детишек, Лена продолжила: «Мы также знакомим детей с окружающим миром, вместе идём в церковь, библиотеку, в пекарню, где дети видят, как «рождается» хлеб. Наглядно показываем им мир, в котором мы живём. Едем в деревни, где дети видят домашних животных, как их держат, кормят, как доят молоко у коров. Фишка в чём: когда группа маленькая, это всё можно организовать, однако, если в группе 50–60 детей, это невозможно сделать. Осенью мы идём в лес, собираем листья, говорим о временах года.

Иногда мы говорим родителям, чтобы дети пришли в резиновых сапожках, пусть побегают по лужам во дворе или в лесу. Родители наших детей наглядно видят, как развиваются их чада и очень довольны нашей работой...»

Детишки сразу же подбежали к своим, как я понял, любимым игрушкам и начали играть с ними.

Но распорядок дня – есть распорядок дня, даже там, где дети...

Малыши от души сделали зарядку под музыку с Леной и Арев, и видно было, что им это очень нравится. Пока Арев дальше работала с детьми по графику, мы с Леной пили вкусный чай и продолжили наш разговор. Мне было интересно узнать её отношение к конфликту, а также, как конфликт влияет на их работу с детьми.

«О конфликте у меня однозначное мнение – с двух сторон живут обыкновенные мирные люди, которые страдают, а так не должно быть. В нашей группе нет игрушек вроде пистолетов, автоматов, мечей, вообще оружий, так как мы не приветствуем такие игрушки. В прошлом году, в апреле, когда на линии фронта шли боевые действия, по согласованию с родителями малышей мы не закрыли временно нашу группу, а продолжали работать. Мы помогли детям оторваться от того напряжения, которое было в городе. Далее, с первого дня апрель-

ской войны, мы приютили у себя семью из Мартакерта, которая месяц прожила у нас. Их двое ребятишек присоединились к нашей группе, что позволило им быстро выйти из стрессовой ситуации. Когда закончилась апрельская война, родители наших детишек благодарили нас за то, что мы помогли их детям пройти эти переживания без стресса. Хотя я сама много пережила, у меня есть надежда, что когда-нибудь всё это пройдёт, как кошмарный сон», – продолжила Лена.

Налив мне новую чашку чая и положив на блюдечко кусок торта «Наполеон», Лена подошла к Арев, поговорила по поводу полдника. После этого она присела на стул напротив меня, и мы продолжили наш разговор.

«Мы не говорим детям, как делают в других местах, о войне, о врагах, мы стараемся дать детям надежду на мирное и дружеское будущее. Дети записывают в своих головках всё, что слышат и очень важно, как взрослые реагируют на это. Большинство детей, когда у них спрашивают, кем они хотят стать, отвечают: «Хотим стать военным, чтобы убивать врага». Мы стараемся показать детишкам, что военный – это друг и защитник, а не убийца, что жить в мире гораздо лучше...» – резюмировала Лена.

2

Детей в группе хотя и немного, но одной Арев было бы трудно с ними работать. Я спросил у Лены, и вот что она сказала: *«У нас много волонтеров. Смотришь, приходит молодая девушка-студентка и предлагает нам свои услуги, говоря, что сегодня она два-три часа свободна и хотела бы помочь нам. Арев по профессии филолог. В прошлом году её сын ходил в нашу группу. Сейчас у неё здесь тоже ребёнок, подрастает другой. Арев сказала, что ей нравится, как содержат у нас детей, как ими занимаются, и предложила нам свою помощь.*

Когда мы делаем набор в нашу группу, мы не отказываемся от тех детей, у которых какие-то физические проблемы или аутизм. Я прошла курсы по уходу за детьми, которые болеют аутизмом.

Мы им уделяем больше внимания, и родители таких детей бывают спокойны. Кстати, сами родители таких детей часто выступают волонтерами, предлагают свою помощь.

График с 9 утра до часу дня, оплата 7000 драмов в месяц (\$1–478 драмов – прим. автора). И, как правило, эти деньги идут на то, чтобы накормить детей полдником, купить изделия для рукоделия (карандаши, гуашь, цветные бумаги, пластилин и пр.). Много из того, что вы видите здесь (шкафы, столы и пр.) – это подарки родителей детей. Им нравится, что мы уделяем внимание каждому ребёнку, выполняем все его прихоти. Один из наших детей любит рисовать, и мы всей группой пошли в картинную галерею. Надо было видеть лицо этого ребёнка! Другой мальчиш очень любит пожарные машины и говорит, что, когда вырастет, станет пожарным. Мы договорились с руководством Управления чрезвычайных ситуаций и пошли всей группой к ним. Пожарники показали детям спецмашины, как сами они действуют во время тревоги, как собираются, спускаются с крыши... Мальчиш были восхищены, впрочем, не только мальчиш...»

Выше я писал, что знаю мужа Лены, Пола, и мне было интересно, как он реагирует на эту её деятельность, с учётом того, что они уже живут в Ереване, и Лене приходится минимум в месяц раз приезжать в Степанакерт.

Лена улыбнулась и объяснила: *«Муж поддерживает меня, если бы не он, я не смогла бы заниматься этим. В настоящее время он сидит дома и ухаживает за ребёнком».*

Также из разговора с Леной я узнал, что наряду со сказками на армянском и русском языках детям в группе читают детскую Библию. Лена объяснила: *«Мы христианское государство, и хотим, чтобы детишки развивались духовно, чтобы им были близки христианские ценности...»*

Вот заканчиваю писать об удивительных людях, которые смогли решить проблему содержания детишек своими силами, бескорыстно, на волонтерских началах помогают держать, воспитывать небольшую группу детей. И я рад, что дети попали в надёжные руки и взрослые возвращают в душах детей ростки добра, порядочности наряду с любовью к своей родине. Респект им...

Октябрь 2017 г.

Ветер жизни иногда свиреп...

*Ветер жизни иногда свиреп.
В целом жизнь, однако, хороша...*
Омар Хайям

1

«Ветер жизни иногда свиреп...». Какие жёсткие, но какие правильные слова! Жизнь нередко преподносит нам неприятные сюрпризы, которые, как снег в июле, сваливаются нам на голову. Как правило, такие сюрпризы подкрадываются к нам, когда меньше всего мы их ожидаем, и предотвратить их невозможно. Зачастую мы сами находим в себе силы преодолеть возникшие проблемы. Но сюрприз сюрпризу рознь. Что делать человеку, когда жизнь его кардинально меняется, когда он оказывается поверженным на землю?..

Часам к 12-ти мы подъехали к добротному двухэтажному дому Эдварда (Эдика) Ярамишяна в селе Шош Аскеранского района. Во дворе беззлобно залаяла собачка, как видно, для «галочки», оповещая хозяев, что пришли гости...

Сидим в комнате, пьём вкуснейший кофе, приготовленный для нас супругой Эдварда Маней и дочкой Лусине. Осматриваюсь. Очень хороший ремонт. Кругом чисто, опрятно, уютно, чувствуется женская рука в доме. Как у меня заведено, решил не торопить события, присмотреться, послушать хозяев.

Хозяин дома Эдик сидел в инвалидном кресле, шутил с гостями, дочь, красавица Лусине, угощала нас фруктами из их сада...

Когда мы ехали к Эдику, мои друзья рассказали о нём, о его семье. Эдику чуть за пятьдесят, супруга работает педагогом, старшая дочь Лия замужем, средняя, Лусине – магистрант АРГУ, сын Саша служит в рядах Армии обороны НКР. Эдик закончил Степанакертский сель-

хозтехникум, после этого была служба в рядах Советской армии, а потом – работа механизатором в колхозе. Во время карабахской войны воевал, дважды был ранен, награждён боевыми медалями. В 1995 году офицером демобилизовался из карабахской армии. А в 2002 году по дороге из Еревана была автоавария, после которой он пять месяцев пролежал в больнице Еревана. После выписки несколько месяцев находился в Степанакертском реабилитационном центре им. Керолайн Кокс. В итоге Эдик стал инвалидом – колясочником и получил 1 группу инвалидности.

Когда пообщались за столом, я попросил Эдика уединиться, чтобы поговорить, ближе познакомиться. Он отъехал к компьютерному столику, я расположился в кресле рядом, и мы начали разговор. Женщины остались за столом и говорили о чём-то своём, женском...

Я не в первый раз нахожусь дома у наших инвалидов-спинальников (колясочников). И так же, как и в тех случаях, удивляюсь, глядя на улыбающееся лицо человека, сидящего в инвалидной коляске. Перед моими глазами прошли лица знакомых, у которых руки, ноги целы, но они недовольны жизнью, постоянно ропщут на свою судьбу. «Контраст», – невольно подумалось мне.

Тем временем Эдик рассказывал, что в Саки, где находится специализированный санаторий, он с друзьями ездил семь раз и каждый раз чувствовал улучшение.

«Мы, естественно, не вылечимся, не встанем на ноги, но Саки не дает ухудшиться нашему состоянию, а для нас это очень много значит. Потом нам сказали, что нет путёвок. Нам давали деньги на руки, и мы могли ехать туда, брать в аренду комнату для жилья и проходить процедуры. Каждый раз нас бывало 18–19 человек. Однако и это прекратилось. Сейчас нам говорят, что уже нет возможности, и предлагают поехать в армянские санатории Джермук, Арзни. Там хорошие санатории, но не для нас. В Карабахе нас шесть спинальников – участников Карабахской войны, и, думаю, при желании власти смогли бы нас отправить в Саки, потому что там специализированный санаторий для таких, как мы. Мне очень нужна машина с ручным управлением, я её не получил, к сожалению. Но всё равно, рано или поздно, я её куплю, она мне необходима как воздух...» – огорчённо говорит Эдик.

Я заметил, что на мониторе компьютера открыт сайт «Одноклассники» и видна страница Константина Македонского, жителя Одессы. Увидев мой взгляд, Эдик пояснил: «С Костей я познакомился в Саки. Мы подружились и постоянно общаемся в соцсети, по скайпу. Он узнал, что у меня появились пролежни и подарил новую воздушную подушку, которая стоит около \$300. Я ему благодарен за этот подарок...»

Супруга Эдика Маня утром идёт на работу, дочь Лусине на занятия, и я решил спросить, как он себя обслуживает, когда домочадцев нет дома, и вообще рассказать, кто отремонтировал их дом, какая пенсия у него, как проходит день, навещают ли друзья-однополчане...

2

Услышав такое количество вопросов, Эдик, улыбнувшись, говорит: «Сразу скажу, что на первом этаже нашего дома проживают мои родители. Отцу – 88 лет, матери – 80, но я их не тревожу. Есть у меня три сестры, но они все замужем, у них свои семьи. День мой проходит так: утром встаю, умываюсь, завтракаю. Дома всё сделано так, чтобы я мог бы самостоятельно себя обслужить, вплоть до ванной комнаты и санузла, – Эдик показал, как складывается одна сторона коляски, чтобы он мог бы подтянуться и перекинуть своё тело, куда нужно. – Ремонт в нашем доме начали в 2013 году, а на следующий год уже сделали капитальный ремонт. Сразу скажу, нелегко было всего этого добиться – много писал, подключал людей... Бюрократы, они везде бюрократы, но главное – получилось...»

Пенсия у меня неплохая по нашим меркам – 118 000 драмов (\$1–482 драмов – прим. автора). В месяц один раз ко мне приезжают из Степанакертского реабилитационного цен-

тра и приносят всё необходимое: бинты, вату, различные лекарства и т.д. К слову, если я попаду в больницу, то любая операция для меня будет бесплатной.

Когда я лежал в реабилитационном центре, нам предложили, чтобы мы выбрали, чему хотим научиться. Я выбрал резьбу по дереву. После выписки, когда я уже был дома, друзья по моей просьбе принесли мне разные куски дерева, кругляки, и я начал делать различные сувениры. Нашлись инструменты, некоторые из них сделал я сам...

И я начал активно работать, мною сделано около 80 работ, из коих 50 у меня купили. Покупатели были из Франции, Белоруссии, России, Армении, Карабаха. Остальные сувениры я подарил родным и друзьям. На руках у меня осталось несколько работ.

Друзья... Что сказать... Боевые друзья часто заходят ко мне. После того, как со мной это случилось, часть друзей, можно сказать, «забыла» меня, но это пусть будет на их совести. Кому надо, те приходят, и я это ценю...

Та беда, которая случилась со мной, многому меня научила. Я по-иному смотрю на мир, на окружающих меня людей. Говорят, что весь мир театр, а люди актёры в нём. Я зритель, всё вижу и понимаю, где правда, а где ложь. Некоторые люди не понимают, что со стороны видны неподобающие действия актёров, то бишь их...»

Я молча слушал Эдика, пододвинув диктофон ближе к нему. Лусине принесла нам чай. Эдик потянулся за очередной сигаретой из початой пачки «Ахтамар». Пауза чуть затянулась. Я уже подумал, может, напрасно тревожу его своими многочисленными вопросами, некоторые из которых могут оказаться нетактичными...

Эдик будто прочитал мои мысли, улыбнулся, и мы продолжили нашу беседу. Разговор у нас пошёл про политику, и тут я убедился, что Эдик неплохо разбирается в ней, как в региональной, так и мировой. Мне стало интересно узнать о его видении перспективы решения карабахского вопроса, отношении к России, региональным державам, как он относится к войне и миру, политикам и дипломатам.

Вновь закурив сигарету, Эдик, чуть задумавшись, ответил: «Я постоянно смотрю телевизор, особенно новости. Наш карабахский вопрос очень сложный, потому что Алиев не захочет, чтобы мы стали независимыми. Если даже он и захочет признать нашу независимость, то боится, что и другие народы в Азербайджане её потребуют.

Перспектива Карабаха... У нас есть все атрибуты власти, есть армия, мы живём себе потихонечку... Россия нас никогда не выпустит из своих рук. Она стоит за нашей спиной, уже одно то, что на границе Армении и Турции находится её военная база с современным оружием, о многом говорит. Просто непонятны её игры с Турцией, Азербайджаном. Россия знает, что её вековой враг – это Турция, поэтому много непонятного, хотя политика есть политика, и нам, простым людям, иногда трудно её понять.

Лично я не хочу, чтобы была война, которую я знаю не со стороны. И не только у нас, но и во всём мире. Не хочу, чтобы погибали дети, старики и женщины, разрушались города и сёла. Во время Союза был лозунг: «миру – мир», но тогда мы не понимали ценность этих слов...

По натуре я оптимист и верю в мир. Когда заключили перемирие (12 мая 1994 г. – прим. автора), я поверил в него, но потом пошла снайперская война, и молодые солдаты начали погибать на линии соприкосновения. Жаль, что власти Азербайджана не приняли предложение армянской стороны отвести снайперов с линии фронта.

Даже в апреле 2016 года, когда была четырёхдневная война, и блицкриг азербайджанской армии провалился, моя вера в мир не поколебалась. Я уверен, что в нашем регионе будет мир, но, когда он наступит, затрудняюсь сказать. Ведь, логично рассуждая, понимаешь: всё, что имеет начало, имеет и свой конец. На этой земле веками жили наши предки, мы живём, и наши потомки будут жить на ней.

Есть масса примеров, когда цивилизованные народы решают спорные вопросы мирным путём. Повторюсь, я тоже хотел бы, чтобы и наша проблема была решена мирным, цивили-

зованным путём. Ведь много примеров, когда народы воевали друг против друга, потом находили нужное решение и теперь живут мирно, помогая друг другу.

Но я также уверен, что за столом переговоров должен сидеть президент Арцаха, ведь решается наша судьба, и все должны знать мнение нашего народа.

Политики... Знаешь, трудно ответить на вопрос, верю ли я им. Если коротко и честно, то так: верю на 50 процентов, и у нас нет сильных политиков...»

Я увидел, что Эдик устал, но он продолжил разговор. Стало понятно, что ему нужно выговориться, что своими вопросами я растревожил его душу...

«Господь дал нам жизнь на земле, и пусть люди живут столько, сколько им отмерено свыше. И было бы хорошо, чтобы люди жили дружно и протягивали бы друг другу руку помощи, а не убивали себе подобных. Ведь, по большому счёту, всех нас, вне зависимости от национальности и вероисповедания, ждёт место на кладбище. А человек должен жить так, чтобы после себя оставить хорошее мнение, чтобы ни дети, ни внуки не стеснялись говорить, кто их родной человек», – сказал Эдик, как бы подытоживая нашу беседу.

Завершив разговор, Эдик показал свои оставшиеся несколько работ по дереву.

Когда мы с друзьями уходили, нас провожали Эдик с супругой и дочкой. Посмотрел я на их красивые, открытые лица и вспомнил слова поэта: «Ветер жизни иногда свиреп...» В то же время я подумал, что при наличии таких домочадцев никакие жизненные трудности не сломают человека, и как уверяет поэт: «В целом жизнь, однако, хороша...»

Ноябрь 2017 г.

Интернациональная семья: в любви и согласии вопреки всему

«Семья у нас интернациональная: невестка – русская, зять – азербайджанец, и на нашу радость все живут в мире, любви и согласии. У нас восемь внуков и шесть правнуков...» – улыбаясь, говорит Маретта Саркисян...

К назначенному времени тикин Маретта немного опоздала, успев предупредить, позвонив нам на мобильник. Оказалось, она поехала на колхозный рынок Степанакерта продать кое-какую зелень с их приусадебного участка...

Село Шош Аскеранского района, где проживает Маретта Саркисян с супругом Михаилом, по карабахским меркам большое. Когда мы ехали к их дому, я был удивлён, что в этом селе есть улицы, где я не бывал ни разу, хотя считал, что Шош я знаю хорошо...

Мы вошли в калитку и по тропинке начали подниматься к дому Саркисянов. Слева и справа нас сопровождали плодовые деревья, кусты ежевики. Дом находился на пригорке. На наши голоса вышла сама хозяйка, радушно приглашая нас в дом.

В комнатах чисто, рядом с газовой печкой сидит дядя Миша, муж тикин Маретты, – пожилой человек с добрым лицом и седыми густыми усами...

От обеда мы отказались, но на предложение хозяйки выпить чаю согласились...

Пока мои друзья беседовали с дядей Мишей, я и Маретта в соседней комнате вели тихую, степенную беседу. Она рассказала мне историю своей семьи, которая с виду может и похожа на тысячи подобных семей, но это только кажется. Как не бывает одинаковых папиллярных узоров на пальцах рук, так не бывает одинаковых судеб...

Маретта родилась в большой семье в Степанакерте, в год начала Великой Отечественной войны.

В 16 лет, когда пришли к ней свататься, мать сказала, чтобы она вышла замуж, так как старшие братья из-за неё не могут жениться. Отца к тому времени не было. Он рано умер, и вся забота о семерых детях лежала на плечах матери...

Так Маретта вышла замуж за уроженца с.Шош, жителя г.Баку Михаила Саркисяна, который был на восемь лет старше её. Муж работал на Бакинском судоремонтном заводе котельщиком-жестянщиком. Туда же, в гальванический цех, устроилась и Маретта. Завод, к слову, напрямую подчинялся Москве.

«Вначале мы жили на Баилово, а после получили квартиру от завода и жили на Патамдаре. Фактически жильцами этого здания были работники нашего завода, в основном, русские и армяне. Было много смешанных браков. В 1957 году у нас родился первенец – сын Александр, через три года – сын Сергей, а в 1967 году – дочь Ирина. Помощи нам неоткуда было ждать, и мы с Михаилом работали, сами поднимали детей. Дети подросли. Саша женился, у него родились дети. Он тоже устроился на наш завод. И когда из КГБ Азербайджана пришли на завод и просили специалиста – радиомеханика, руководство завода остановило свой выбор на Саше. В этой организации сын проработал до вынужденного переезда из Баку. Другой наш сын, Сергей, после окончания средней школы поехал в Москву и поступил в госуниверситет им. Ломоносова. Там же он познакомился с русской девушкой, и после окончания учёбы они поженились и живут в Москве.

В Баку дочь Ирина вышла замуж за достойного парня Исмаила Насибова, у которого отец был азербайджанцем, а мама татаркой. Сам он был родом из Белокан. Там же сыграли свадьбу, молодые жили себе припеваючи, окружённые вниманием и любовью семьи мужа. Но после трёх лет они переехали в Баку. Зять устроился на наш судоремонтный завод.

После Сумгаитских событий многие армяне начали выезжать из Баку. Мы там оставались до зимы 1988 года и все, кроме семьи дочери, выехали в Армению. Супруг к тому времени уже был в Карабахе. В Армении нам дали жильё в посёлке Зод Араратского района. С работой там было трудно, и Саша с семьёй выехал в Москву к Серёже. Работать они начали в сфере строительства, также занимались ремонтом квартир...» Тут Маретту позвал дядя Миша, и она, извинившись, вышла на минуту.

Вернувшись, Маретта села напротив меня. Я пододвинул диктофон ближе к ней. Она продолжила прерванный разговор: *«Мне до пенсии оставалось года полтора, и я решила вернуться в Баку. К тому времени дочка была в положении и нуждалась в помощи. Я осталась у дочери, состояние её было неважным. Роды были тяжёлыми. Она потеряла много крови, и врач-анестезиолог во время операции стал для неё донором. Его группа крови совпала с группой крови дочери, и во время операции его кровь перелили Ирине. Так дочка спаслась от неминуемой смерти...»*

Как-то зять пришёл без настроения и говорит дочке, что, возвращаясь домой, он стал свидетелем избиения пожилой женщины-армянки и поэтому очень боится за меня. Через несколько дней Исмаил поговорил со своим начальником, и тот вместе со своим сыном отвёз всех нас на Бакинский морской вокзал. Там уже было большое скопление армян, в основном, стариков, женщин, детей. Много было носилок с больными, избитыми людьми. Нас охраняли милиция, солдаты в бронезилетах и с щитами. Было пасмурно, шёл мелкий снег. Солдаты помогали загружаться на паром. В первую очередь, детей, инвалидов. Зять с нами приехал в Красноводск, где мы нашли приют. Там же я увидела очень много семей смешанных браков с нашего завода. Позже объявили, что будут два самолёта – в Москву и Ереван. Зять нас проводил и вернулся обратно в Баку. Исмаил очень любил Иру, поэтому всё оставил в Баку и переехал в Москву, фактически с нуля становясь на ноги. Также он очень уважительно относился ко мне с мужем и своим шурином – Саше и Серёже.

Жизнь в Армении, переезд к детям в Москву и затем возвращение в Карабах, в село Шош, где муж, ещё до событий, купил старенький дом и отремонтировал его. Здесь мы живём до сих пор. Здесь же мы пережили войну, прячась в подвале дома от обстрела ...

В Баку нашу квартиру мы смогли продать, правда, за бесценок. Практически все вещи остались там, мало чего смогли вывезти. Часто вспоминаю наших соседей, почти все они с нашего завода, но связей с ними нет, как переехали сюда, все контакты прервались...»

Далее я узнал, что пенсия у Маретты – 44000 драмов, а у дяди Миши – 106000 драмов (\$1–487 драмов – прим. автора), и что денег этих им на двоих хватает, не бедствуют. Хотя раньше, когда дела у детей шли хорошо, они помогали старикам...

Общение с детьми и внуками у Саркисянов не только по скайпу, как уже везде принято, но и вживую: очень часто приезжают дочка, сыновья с жёнами и детьми. Русской невесте очень нравится Карабах и место, где они живут. Внуки, приехав в гости, не хотят возвращаться... Зять, естественно, не может приехать...

«Семья у нас интернациональная: невестка – русская, зять – азербайджанец, и на нашу радость все живут в мире, любви и согласии. У нас восемь внуков и шесть правнуков...» – звучал у меня в ушах голос тикин Маретты, когда мы распрощались с ней и дядей Мишей, возвращаясь в Степанакерт...

Ноябрь 2017 г.

Саша

Радость – это ровное горение бытия...

Эрих Фромм

Саша сидела за своим рабочим столом в классе центра детско-юношеского творчества, но мысли её были не здесь, в райцентре Гадрут, а за тысячи километров отсюда, в далёком Ашхабаде, где она родилась, где прошли её детство и юность...

Этим своим состоянием она была обязана однокласснице Миларе, с которой утром разговаривала по скайпу. Общение с ней было нечастое, в полгода раз.

Как принято, вспоминали школу, одноклассников, преподавателей. Но на этот раз разговор пошёл о карабахском конфликте, который прошёлся по очень многим людям, невзирая на возраст, национальность и вероисповедание, своими тяжёлыми, лязгающими гусеницами, вдавливая их в землю. Говорили о самом конфликте, о страданиях простых людей и вместе пришли к выводу: сто лет пройдёт, а вопрос будет висеть в воздухе. Саша вспомнила свои слова, сказанные подруге: «Любой конфликт нужно уводить в сторону общечеловеческих ценностей, чтобы не разразилась вражда на столетия. Люди, отдаляясь, становятся заклятыми врагами. Война – это коварный конфликт, способный истребить человечество. Когда идёт вражда не на жизнь, а на смерть, прежде всего мир должен поселиться в умах людей...»

– Александра Арамовна, не подскажите, каким цветом мне лучше закрасить фон вот здесь? – отвлék её от раздумий голос 13-летней Светы.

Посмотрев на небольшой ватман в руках девочки, Саша, не поднимаясь со стула, механически подсказала ей и снова в мыслях унеслась в те тяжёлые для карабахцев годы, когда люди спасались в подвалах домов, в вырытых в лесах и горах землянках. Вспомнила, как переживала за детей и за... книги – у неё была прекрасная библиотека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.